

Быкова Е. В. Конфессиональная модель образа человека в тексте старообрядческого лубка «Две дороги — Два пути» / Е. В. Быкова, О. М. Валова // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 216—234. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-216-234.

Bykova, E. V., Valova, O. M. (2021). Confessional Model of Image of Person in Text of Old Believer Popular Print “Two roads — Two ways”. *Nauchnyi dialog*, 11: 216-234. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-216-234. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-216-234

Конфессиональная модель образа человека в тексте старообрядческого лубка «Две дороги — Два пути»

Быкова Екатерина Васильевна
orcid.org/0000-0002-6024-5398
кандидат искусствоведения, доцент
ev2_74@mail.ru

Валова Ольга Михайловна
orcid.org/0000-0001-7987-5317
доктор филологических наук, доцент
usr09478@vyatsu.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
поддержке гранта РФФИ проект № 19-
012-00238 «Локальные традиции и
историческая память в искусстве
старообрядцев
XIX — XXI веков»

Confessional Model of Image of Person in Text of Old Believer Popular Print “Two roads — Two ways”

Ekaterina V. Bykova
orcid.org/0000-0002-6024-5398
PhD in Art History, Associate Professor
ev2_74@mail.ru

Olga M. Valova
orcid.org/0000-0001-7987-5317
Doctor of Philology, Associate Professor
usr09478@vyatsu.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-012-00238
“Local traditions and historical memory
in the art of Old Believers
of the 19th — 21st centuries”

© Быкова Е. В., Валова О. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу конфессиональной модели образа человека в лубочной картинке староверов-часовенных Енисея «Две дороги — Два пути». Новизна исследования обусловлена введением в научный оборот новых источников. Актуальность работы заключается в обращении к современным процессам художественного творчества в старообрядческой среде часовенных общин. Материалом для исследования послужили тексты лубочной картинки и духовной литературы, которые были созданы в среде староверов-часовенных Сибири, собранные в экспедициях 2018—2021 годов на Енисее в старообрядческих общинах часовенного согласия. Анализируются визуальные и вербальные средства воплощения представлений о греховности современного мира, подвергающего людей соблазнам, о правильном жизненном сценарии человека, принадлежащего закрытому старообрядческому сообществу. Отмечается, что изображение и текст образуют единство и служат утверждению концепции жизненного пути члена общины. Помимо лубка «Две дороги — Два пути», проанализированы стихи «Подумай бедный человек» и «Побуждение к борьбе со грехом». Авторы приходят к выводу, что вербальные и визуальные компоненты исследованных произведений репрезентируют ценности старообрядческих сообществ, которые позволяют охарактеризовать их как маргинальные, замкнутые, традиционалистские и эсхатологические.

Ключевые слова:

старообрядцы; часовенные; народная поэзия; народная этимология; народная картинка; эсхатология; лубок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the confessional model of the image of a person in the popular prints of Old Believers-chapels of the Yenisei “Two Roads — Two Ways”. The novelty of the research is due to the introduction of new sources into scientific circulation. The relevance of the work lies in the appeal to the modern processes of artistic creation in the Old Believer environment of chapel communities. The material for the study was the texts of popular prints and spiritual literature, which were created among the Old Believers-chapels of Siberia, collected in the expeditions of 2018—2021 on the Yenisei in the Old Believer communities of chapel accord. The visual and verbal means of embodying ideas about the sinfulness of the modern world, subjecting people to temptations, about the correct life scenario of a person belonging to a closed Old Believer community, are analyzed. It is noted that the image and the text form a unity and serve to confirm the concept of the life of the community member. In addition to the print “Two Roads — Two Ways”, the verses “Think, a poor man” and “Motivation to fight against sin” were analyzed. The authors come to the conclusion that the verbal and visual components of the studied works represent the values of the Old Believer communities, which make it possible to characterize them as marginal, closed, traditionalist and eschatological.

Key words:

old believers; chapels; folk poetry; folk etymology; folk picture; eschatology; print.

Конфессиональная модель образа человека в тексте старообрядческого лубка «Две дороги — Два пути»

© Быкова Е. В., Валова О. М., 2021

1. Традиция религиозной лубочной картинки в среде староверов часовенных

Лубок, или народная картинка — вид народного творчества со своими традиционными средствами выражения, эстетикой, особым художественным языком. Б. М. Соколов отмечает: «Двухвековое существование в России не только народной гравюры, но и лубочного стиля заставляет думать о лубке как об особом типе искусства, как о системе создания образа, которая не зависит от сюжета, от образца и даже от эпохи <...> система лубочных трансформаций, перевод с одного художественного языка на другой следует искать сразу в нескольких сферах» [Соколов, 1999, с. 10]. Ю. М. Лотман определял природу русской народной картинки в тесной связи с темами театра и игры. «Лубок живет не в мире разделенных и отдельно функционирующих жанров, а в особой атмосфере комплексной, жанрово неразделенной, игровой художественности, которая органична для фольклора и в принципе чужда письменным формам культуры» [Лотман, 2005, с. 482]. Лубок — синтез различных видов искусств, что позволяет проводить междисциплинарные исследования, наиболее актуальные в контексте анализа современного изобразительного материала. Народная картинка выполняет социализирующие функции в различных сферах жизни человека, что, соответственно, обуславливает её типологию: копии с икон, воспроизведение библейских сюжетов, картины жития святых и их чудотворений, старообрядческие сюжеты, сцены из богатырских былин, народных сказок и легенд, поучительных притчей, на сюжеты песен и стихов, карикатурные сюжеты, портреты героев, изображения военных сражений и др.

Лубочная картинка в конфессиональной среде была особенно популярна, так как помогала формировать представления о мире и устанавливала коммуникативные связи с обществом, подчеркивая при этом религиозность мировоззрения. Так, создавались четкие границы между понятиями «свой» и «чужой». В общинах лубочные изображения выполняли функции не только информационных, но и агитационных, присущие массовой культуре. Лубок выступает своего рода индикатором времени и отношения к действительности. Здесь человек подвергался критике, события интерпретировались с характерным народным юмором и гротеском. Средствами

лубка конструировался образ человека и его модели поведения в религиозной общине. В формировании подобных моделей использовали литературные и фольклорные тексты, изобразительный материал. Такой элемент пропаганды был популярен в народной традиции многих стран и конфессий в XIX—XX веке, он получил свое продолжение сегодня.

Антропологический подход в текстах конфессионального содержания отличается функциональной направленностью и анализом контекста появления и бытования в этой среде. В своих исследованиях А. А. Плетнева высказывает мнение, что для определения того или иного произведения как лубочного важно не только его назначение или способ производства, важна его ориентированность на определенную, специфическую читательскую аудиторию [Плетнева, 2013, с. 25]. Особый интерес у исследователя в таком контексте вызывает не литературная эволюция, а взаимоотношение текста и читателя. Художественное творчество староверов-часовенных на Енисее продолжает древнерусские традиции и находит новое воплощение в современных лубочных образах. Одной из программных становится народная картинка «Две дороги — Два пути» (рис. 1), найденная в экспедициях на Енисее, она отражает мировоззрение и мироощущение старообрядческого сообщества часовенного согласия. В монографическом исследовании о настенной картине [Быкова и др., 2019] авторы проводят подробный анализ визуального образа человека и формирования его отношения к миру при выборе «широкого» или «узкого» пути.

Рис. 1. Настенный лист. Две дороги — Два пути.
Туруханский район. Красноярский край. 2010

Одна из моделей формирования личности представлена в изучаемой авторами данной статьи народной картинке «Две дороги — Два пути», которая достаточно часто встречается в старообрядческих общинах часовенного согласия на Енисее. Согласно данным, полученным от информантов, этот современный рисованный лубок создан в старообрядческих скитах часовенного согласия на Среднем Енисее, в монастырях на притоках Дубчеса. Оригинал работы выполнен на белой бумаге формата (A1), 86 x 61 см., в дальнейшем оцифрован, что дало возможность с помощью современной типографской техники размножить его различными методами на разных материалах, от бумаги до технологичной клеёнки. Бумажный оригинал выполнен в смешанной технике с использованием цветного карандаша, фломастера и акварельных красок. Соединение различных изобразительных приемов в одном произведении: комикса, лубочной картинки, иконы — в сопровождении распространенных комментариев сохраняет интерес к рисованному лубку. Лубочная картинка «Две дороги — Два пути» представляет своеобразную комбинацию изобразительных знаков, которая представляет собой своеобразный художественный язык, являясь интересным воплощением традиций и в то же время современных тенденций в искусстве. В данном случае аудитория «потребляет» текст (слушает, читает и смотрит), играет с текстом и в текст.

В монастырях часовенных на Дубчесах в начале XXI века были созданы настенные листы, которые в дальнейшем растиражированы и распространены в общинах. Сюжеты настенных картин различны: от традиционных религиозных, таких как «Рождество Христово», до доктринальных «Корабль веры», «Две дороги» или эсхатологического сюжета «Всемирная сеть. Мировая паутина». В изобразительном решении композиции повторяются: поле картин делится на две части — изобразительное и вербальное. В текстовом поле изложено содержание картины, а также стихи. На картине «Две дороги — Два пути» представлены тексты «Подумай бедный человек» и «Побуждение к борьбе со грехом!».

2. Антропология художественного образа: религиозное мироощущение

Народная картинка «Две дороги — Два пути» является иллюстрацией к доктринальным принципам старообрядцев часовенного согласия, проживающих на Енисее. Староверы-часовенные, по происхождению бывшие беглопоповцы, утратили свое духовенство со времени гонений Николая I и были вынуждены перейти к практике богослужений без священников. С течением времени фактически стали беспоповцами. Во второй половине XIX века старообрядцы бежали на Енисей в поисках неведомого Бе-

ловодья. Конфессиональная группа старообрядцев-часовенных на Енисее сформировалась в течение XIX—XX веков из нескольких разновременных переселенческих потоков. Постоянно преследуемые староверы были вынуждены уходить по течению Енисея в глухую тайгу, где они создали сеть скитов, ставших центрами сохранения глубинных пластов русской культуры и развития старообрядческой традиции.

Открытие современной народно-христианской литературной традиции на Енисее было сделано учеными из Новосибирска Н. Н. Покровским, Н. Д. Зольниковой [Духовная литература ..., 1999] и О. Д. Журавель [Журавель, 2012]. В научный оборот были введены тексты писателей часовенного согласия, и проведён анализ литературной традиции старообрядчества. Рассмотрение лубка с позиций антропологии в конфессиональном контексте позволяет реконструировать определенную модель художественного образа, которая заимствовалась из ранней старообрядческой литературы. Как показывает анализ текстов, статус часовенных привел к заимствованию многих беспоповских представлений, что сближает их с поморским толком. Получили распространение представления о полном господстве антихриста в государстве и новообрядческой церкви; о духовном пришествии антихриста. По вопросу о «чувственном» или «духовном» понимании антихриста идут споры в общинах и по сей день, о чем свидетельствуют экспедиционные исследования.

Тема загробного воздаяния — один из лейтмотивов рисованной картинки и стихов. Старообрядцы часто обращаются к этой теме в своих рукописных Цветниках и Синодиках, лицевых Апокалипсисах, в Житии Василия Нового и разнообразных сборниках. Сцены загробных мук призваны исправлять нравы и отвращать от греха, который ведет в преисподнюю, зримо явленную на картине. Наказание строится по принципу инверсии: тот, кто желал стать первым, обречен оказаться последним. Изображения представлены как каталог греховных и праведных дел, они призывают зрителя сделать выбор в пользу соответствующего жизненного пути.

3. Источники сюжетов лубочной картинки

«Две дороги — Два пути» — общее название стихов и картины, где представлены бинарные оппозиции материального и духовного мира через изображение и текст. Название «Две Дороги — Два пути» демонстрирует современные тенденции неосознанного цитирования источников массовой культуры. В конфессиональной интерпретации «путь Господа» имеет то же значение, что и требования, которые Господь предъявляет к человеку и которым последний должен следовать. В Нагорной проповеди определено: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь,

ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф. 7:13-14). Нагорную проповедь Христос начинает об узком пути, ведущем в Вечную Жизнь, словами о том, что безмерно счастливы люди, которые постоянно понимают, что они нищие духом. В старообрядческом сознании верность Богу не должна быть внешним делом, заслуга в скрытом великодушном поведении. Забота о повседневной жизни должна отступить перед заботой о благе в Царстве Божьем. Различные степени личного преобразования полностью основываются на доверии к Богу. «Два пути! Третьего нет»: широкий и узкий. Христианская картина мира строится на оппозициях: Бог и Дьявол, рай и ад, спасение и погибель. Подобные оппозиции в иконографии претворяют смыслы в образы, это игра на противопоставлении и переключке. Все изображение построено на смысловых контрастах. Позитивные и негативные персонажи представлены в бинарных оппозициях городского и деревенского пространств. Спасение — в таёжных скитах и монастырях.

«Широкий путь» представлен пролегающим в городском пространстве мегаполисов и предполагающим праздное пребывание человека на земле. Своеобразный путеводитель впадения в грех от «Старта» до «Финиша» предлагает различные варианты земных искушений. Направления заданы от исторической памяти к современным научным достижениям, от индивидуализма с распущенностью нравов до глобализации «дьявольских сетей, простертых надо всем миром», от Америки до России, конец предопределен в пасти ожившего ада.

Оппозицию на лубочной картинке символизирует черная диагональ, на которой начертано: «Между нами и ими будет пропасть, которая не должна соединить нас с ними, т. е. избравшими широкий и пространный путь». Противопоставление «свой» и «чужой» в выборе жизненного пути прослеживается в изобразительной плоскости старообрядческой картины. Сохранить требуемый духовный уровень чистоты трудно: приходится покидать единство старообрядческой общины, чтобы учиться, служить в армии, работать. Но и постоянно живущие в деревне вынуждены «грешить» под давлением обстоятельств: поездка в больницу, обучение детей в школе, общение с посторонними — это контакты с миром. Для возвращения в согласие прихожанин должен просить прощения у других членов общины, исполнять определённую епитимью, которая зависит от степени умышленности греха и нередко налагается самостоятельно.

На Енисее, в пространстве, где проживают общины староверов-часовенных, все регламентировано состоянием речных артерий, поскольку дорог, кроме рек, нет. В таких деревнях компромисс между повседневной жизнью и обращением к Богу находит выражение в традиционном непре-

рывном ритме работы и молитвы. Соблюдение и почитание традиций в общине способствует ее укреплению и сплоченности.

Формирование мифологических представлений связано с новым восприятием времени и пространства. Отгораживание от внешнего мира, от технических нововведений, сохранение традиционных жизненных устоев регламентировались постановлениями Соборов, которые проводились на Енисее. В соборных постановлениях часовенных в течение всего XX века акцент делается на запрет «душепагубной» веселой музыки. На картине проиллюстрированы и прокомментированы соответствующие выдержки из соборных постановлений. Музыка, воспроизводимая техническими средствами, неприемлема: «Музыка, вышедшая из недр ада, приводит их в полное отчаяние. Современные танцы — полное развращение молодежи» [Быкова и др., 2019, с. 38]. Распушенность нравов показана в отдельном сюжетном клейме с изображением дискотеки в лучах цветомузыки.

Город олицетворяет современную цивилизацию, и противопоставление постиндустриального общества традиционному создает эсхатологическое основание для объяснения современного мира и его достижений. Явным намёком на бездуховность можно считать сознательное написание *Митрополитен*, отсылающее к слову *митрополит*. Часовенные старообрядцы-беспоповцы не признавали священство, считая это отходом в грех. Отсюда отрицательное отношение и игра смыслами. Автор прокомментировал свое отношение к «Митрополитену» как к явлению, которое ведет в тупик, из которого нет выхода.

Эсхатология будущего воспринимается часовенным художником через современную инфраструктуру как «диавольские сети». Одним из основных маркеров последних времён является доминирующий технолизм. Дьявольские сети, распростертые над всем миром, становятся признаком настоящего времени. Этот образ — отсылка к мысли о последствиях массированного использования технических средств и к идее марша большей части человечества по «широкому» пути. Эсхатологические представления о существовании «главного компьютера» имеют европейские истоки. Изображение чудовищного спрута, щупальца которого охватывают Америку, Россию и Брюссель, имеет литературное происхождение. Роман-утопия американского писателя Джо Массера (Joe Musser) «Behold a Pale Horse» (1970) о суперкомпьютере в Брюсселе нашел отклик во многих религиозных практиках [Панченко, 2015; Lewis, 2001]. Суперкомпьютер на рисунке имеет подпись «Зверь», под ним — надпись: «Брюсел Звериница — в которой находита главный компьютер связанный со всем миром. Он и закодирует или запечатлеет своей печатью почти все человечество. Тайный заговор сатаны подходит к концу» [Быкова и др., 2019, с. 34]. С 90-х годов XX века в среде ча-

совенных Сибири активно начинает распространяться общемировая легенда о едином компьютере-антихристе. Графическое решение изображения здания в Брюсселе заимствовано с фото из книги архимандрита Нектария (Моулатсиотис) «Когда будет Второе Пришествие Иисуса Христа?», что подтверждает использование Интернет-источников при создании картинки.

В комментариях к инфраструктуре города (медицина, пресса, банк, парламент, администрация, сберкасса) даются меткие оценочные характеристики жизненных благ: телевизионная вышка — *«Кабельное телевидение, сатанинская прелесть для мира»*; Конституция — *школа партийных раздоров, адвокатура 666*. Если школу характеризуют как *«знание и воспитание»*, то Университет — как *«пустую трату времени»* [Быкова и др., 2019, с. 32].

Графическое решение фрагмента обусловлено обращением к изображениям реальных архитектурных объектов, которые являются государственными и общественными визуальными символами. Так, объекты, связанные с Америкой, — это статуя Свободы, «Нью-Йорковские» небоскрёбы, Вашингтон, Пентагон; с Россией — Москва со Спасской башней. Социальные институты, обозначенные как общественное пространство, в котором живет человек и пользуется благами цивилизации, имеют условно-символическую репрезентацию.

4. Конфессиональная модель «Человек» в контексте стиха

Лубочная картина «Две дороги — Два пути» содержит два стихотворных текста: «Подумай бедный человек» и «Побуждение к борьбе со грехом!». Данные произведения могут быть отнесены к дидактическому жанру поучения, они содержат наставления, формирующие достойную, по мнению старообрядцев, личность. Поучение понимается в данном исследовании как свод «нравоучительных советов, основанный на жизненном опыте автора, характеризующийся существенно менее категоричной (по сравнению с назиданием) прескриптивной тональностью» [Хорохордина, 2016, с. 535]. Исследователи единодушны в том, что старообрядческие тексты, представляя современные реалии, ориентированы на творческое продолжение традиций древнерусской литературы [Баев, 2010, с. 285; Журавель, 2012, с. 243]. Так, в стихах «Подумай бедный человек» и «Побуждение к борьбе со грехом!» можно выделить ряд структурных элементов, характерных для древнерусского поучения, но в них есть и вполне самобытный авторский взгляд.

Старообрядческая культура очень внимательна к Слову. Влияет на это не только относительная ограниченность печатных источников, но и традиции углублённого, вдумчивого, серьёзного чтения.

Проанализируем далее стих неизвестного автора «Подумай бедный человек».

В первой строке стиха «Подумай бедный человек» обращение сопровождается эпитетом *бедный* в значении ‘неимущий’, ‘небогатый’ и ‘достойный сожаления’. В современном языке прилагательное *бедный* используется в основном в трёх значениях: ‘не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию’; ‘испытывающий недостаток в чём-либо, в каком-либо отношении, небогатый по содержанию, средствам выражения, составу и т. п.’; ‘вызывающий сострадание, сочувствие; несчастный’ [Большой толковый словарь ..., 1998, с. 64]. Обращаясь к истории языка, мы видим, что в словаре В. И. Даля *бедный* в первом значении толкуется как ‘убогий’ [Даль, 2008, т. 1, с. 152]. В «Словаре русского языка XI — XVII веков» слово *бедный* представлено в трёх значениях: ‘бедственный, чреватый бедой’, ‘несчастный, вызывающий жалость, сострадание’ и ‘бедный, неимущий’ [Словарь русского языка XI — XVII веков, 1975, вып. 1, с. 88–89]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, имевшегося в распоряжении староверов часовенного согласия в мужском монастыре на Дубчесе, предлагаются значения ‘находящийся в нужде’, ‘лютый’, ‘горестный’, ‘тягостный, трудный’ [Срезневский, 1893, с. 215—216]. В контексте стихотворения очевидно, что *бедный человек* — тот, кто достоин сожаления, его ориентация на мирские ценности «чревата бедой».

Далее автор развивает эту мысль и напоминает о жизни грядущей, в которую нужно войти достойно, поэтому Бог наказывает трудом и борьбой. Автор задает риторический вопрос: «*А потом что ты получишь?*», заставляя оценить и взвесить праведность мыслей и поведения. С. Е. Никитина, анализирувавшая духовные стихи староверов Русского Севера, подмечает: «Грамотные, размышляющие о жизни и смерти старообрядцы осознают, что чем глубже в человеке вера, тем больше он начинает бояться смерти не как конца жизни, а как суда над своей душой» [Никитина, 2019, с. 73]. Об этом суде и напоминает автор стиха «Подумай бедный человек».

Автор рисует картину современного состояния бытия, акцентируя внимание на его порочной стороне, подчеркивая осознанность служения сатане. Эта мысль получает развитие в строке: ... *знаем и видим нечистоту и зло, и грех*. Показательно, что в этом и следующем предложениях автор использует личное местоимение множественного числа *мы*, объединяя себя и читателя.

Отдельным предложением обрисовано недостойное человека служение плоти. В этой же строке автор начинает развивать идею обиды, наносимой человеком Богу. Глагол *обидеть* в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова имеет три значения: ‘причинить обиду’; ‘на-

нести ущерб, обмануть»; ‘обделить’ [Большой толковый словарь ..., 1998, с. 668]. Данные значения, на наш взгляд, в рассматриваемом тексте являются взаимоуточняющими, как и смыслы, представленные В. И. Далем, который толкует данный глагол следующим образом: ‘наносить, творить обиду, оскорблять, причинять кому-либо неправо неприятность’: прилагательное *обидный* фиксируется в значении ‘почитаемый неправым, оскорбительный, несправедливо осуждаемый’ [Даль, 2008, с. 584]. Таким образом, семантика сочетания «Бога обидим» включает и понятия обмана со стороны человека, и его неправоты в этом, и несправедливого огорчения. В следующей части предложения разъясняется, что обида Богу наносится тем, что мы «ценную жизнь делаем в смех».

Осознавая неоднородность старообрядческой смеховой культуры, рассмотрим общие представления о ней для понимания контекста изучаемого произведения.

Д. С. Лихачев, сопоставляя традиции отечественной сатиры с западноевропейской, обращал внимание на своеобразие пародирования. Смысл древнерусских пародий, как полагал Лихачев, — создание нелепого, бессистемного, «дурацкого» мира [Лихачев, 2001, с. 348]; характерно для древнерусского смеха и балагурство, приём «выворачивания наизнанку», свойственный различным юмористическим жанрам. Суть смеха, как отмечал Д. С. Лихачев, в его связи с раздвоением, способностью открыть низкое в высоком, материальное в духовном и т. д. [Там же, с. 370]. Смеющийся не может (не должен) останавливаться в своём смехе: «Чтобы быть смешным, надо двоиться, повторяться» [Там же]. Смех зачастую приводит и к отрицанию смысла [Там же, с. 376].

Традиционная народная смеховая культура связана с нереальностью, фальшью, обнажением и нелогичностью. На наш взгляд, в этом кроется одна из причин неприятия смеха многими староверческими толками, стремящимися к формированию личности достойной, прямой, рассудительной. Д. А. Урушев в статье «Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе» основной особенностью старообрядческой литературы называет то, что в ней «не присутствовали вымышленные персонажи, а художественное воплощение образов реально существующих или живших ранее исторических персонажей несло черты и реальной личности, и вымышленных характеристик, написанных в традициях агиографической литературы» [Урушев, 2010, с. 117].

В старообрядческом исповедальнике начала XX века («Исповедальник старообрядческий», начало XIX века (ИРЛИ. Смирнов 7)) предлагается список вопросов для отправляющих исповедь в среде старообрядцев (М. В. Корогодина отмечает, в частности, что и ныне «продолжают созда-

ваться епитимийные тексты, в которых находят отражение современные реалии жизни» [Корогодина, 2007, с. 130]). В первую очередь в Исповедальнике предлагаются вопросы духовникам, клирошанам, иконописцам. Показательно отношение к смеху:

Во время ястия и пития праздныя какие речи не говорил ли, и сам не смеялся ли, и других к смеху не доводил ли? [Там же, с. 153]

Не говорил ли каких праздных, и смехотворных, и шуточных речей, и тем до смеху прочих не доводил ли, и сам до слез не смялялся ли, и, смеючись, не бил ли в ладони? [Там же, с. 156]

Не глагодал ли смехотворных каких повестей или смеха или других не заставлял ли еси? День сухоясти и 100 поклонов [Там же, с. 182].

Анализируя смех в творческом наследии протопопа Аввакума, Лихачев подчёркивает, что в его изображении современный мир — «это и есть мир кромешный, опричный, ненастоящий, мир злой, принадлежащий сатане, противостоящий миру настоящему, миру подлинных ценностей, который ожидает человека за гробом» [Лихачев, 2001, с. 394]. Никонианский мир Аввакум предлагал высмеивать и высмеивал его сам и в поступках, и в текстах как мир неистинный. Е. В. Мочалов в работе «Протопоп Аввакум и формирование этики средневековой Руси» утверждает, что творчество Аввакума продолжает традиции смеховой культуры; смех был ориентирован и на читателя, и на автора. «Смех — та грань, своего рода показатель глубины социального унижения, которая оставляет человеку только одну возможность — возможность посмеяться над собой», — писал Е. В. Мочалов, выделяя ещё одну сторону смеха Аввакума [Мочалов, 2016, с. 149].

В статье Т. Н. Никоновой, Л. И. Толстых и Н. А. Куликовой, изучавших коммуникативную культуру старообрядцев Горного Алтая, отмечается, что лишь при первичных исследованиях могло сложиться мнение о нехарактерности смеховой культуры для данной группы населения. Вместе с тем «в каждом фольклорном словесном жанре: эпическом, прозаическом, поэтическом, афористическом — есть произведения, имеющие смеховой элемент» [Никонова и др., 2013, с. 318]. Отметим, что смеховой элемент отнюдь не чужд фольклору, но перед нами текст лубка, в котором проявляется суровость в отношении человека, свою «ценную жизнь» выворачивающего наизнанку.

Автор восхищается красотой и справедливостью истинного мира, царящей в нём Божьей славой («Все вокруг так добро и прекрасно ...»). И горечь охватывает лирического героя при мысли о грядущем несчастье, обусловленном неведением зла своего века.

В следующей строфе описываются пороки и несовершенство мира людей, такие как непостоянство, лесть, ошибочность представлений о мире,

безверие, беззаконие. Строка «Миродержитель до конца его прельсти» может быть непонятна современному читателю без комментариев. Словарь В. И. Даля фиксирует, что *миродержа(и)тель* — ‘въ црквн. знч. покорившій, одержажшій миръ, людей, соблазняющій плотски’мъ, чувственнымъ, и суетнымъ, злой духъ’ [Даль, 2008, т. 2., с. 331]. Как ‘соблазн, греховное искушение, прельщение, обман’, ‘заблуждение, ошибку, грех’, ‘ложь, выдаваемую за истину и отвращающую от истинной веры’, ‘преступление, вред, грех’, ‘козни, обман, коварство’, ‘обманчивую привлекательность’ толкует слово *прельсть* «Словарь русского языка XI—XVII веков» [Словарь русского языка XI — XVII веков, 1992, с. 259—260]. Даль иллюстрирует глагол *прельстить* следующими примерами: *Князь мира сего прельщает прелестями. Его бись прельстить, смутилъ, попуталъ, соблазнилъ. Блескъ прельщает и слититъ* [Даль, 2008, т. 3, с. 393]. Е. С. Бойко и Е. П. Краскова приводят высказывание енисейских староверов и отмечают, что они «обычно возмущаются, если в значении “хорошо” используются слова *прельсть* (прелестный). *Итъ тако прелесь — это сатана-лъстец прельщает людей на грех. А тут “Ой, как прелесна! Ну, чёхарошава в грехе? Ничё”*» [Бойко и др., 2012, с. 199]. Этот ряд (изменчивость, лесть, мрак заблуждений, безбожие, беззаконие) позволяет реконструировать от обратного ценности, важные для старообрядчества. В. В. Керов выделяет два компонента «народно-эсхатологической» концепции: во-первых, *прельщение* как основное действие антихриста, *сеть* как главный инструмент и, во-вторых, оценку современности как эпохи «постоянных нападков антихриста на верующих» [Керов, 2016, с. 256—257]. Прельщение ярко представлено в стихе «Побуждение к борьбе со грехом!»:

— *Иди за мной! Взывает дух лукавый.*

О человек! Тебя я одарю;

И счастьем, и честью, и славой!?

Сомненья прочь! Я правду говорю! [Быкова и др., 2019, с. 18].

Соблазн лукавого здесь не в богатстве и власти: обычному человеку предлагаются своего рода «утехи» для внутреннего мира, и это — счастье, слава и честь.

В шестой и седьмой строфах стиха «Подумай бедный человек» содержится по пять строк, что выделяет их среди прочих. В шестой строфе автор обращается к человеку с эпитетом *боголенный*. Строки звучат торжественно, подчеркивая важность идеи: преодоление зла и прельщение мира, тяготы этого пути помогают стать *богочеловеком*, подобным Творцу. В работе «Старообрядческая литературная утопия: русский вариант *Civitas Dei?*» О. Д. Журавель писала, что в сочинениях старообрядцев на антропологическую тематику утверждалась «идея непосредственной близости

человека Богу» [Журавель, 2016, с. 89]. Исследователь анализирует вывод А. М. Запьянцева, завершающий его трактат о человеке: «Итак, человек есть образ Божий, церковь Божия, имеет в себе Царствие Божие и престол». Не удивительно, — говорит Журавель, — что подобные сочинения возникли в “беспоповских” старообрядческих согласиях, отрицавших роль института священства» [Там же, с. 90].

В седьмой строфе автор вновь предостерегает от соблазнов века, и здесь интерес представляет новообразование *черточеловек-медеум* (в оригинале так), которое связывает негативную характеристику *черточеловек*, по-видимому, с понятиями, обозначаемыми словами *медиум* (посредник между мирами живых и мёртвых) и *медиа* (средства массовой информации). Автор текста вводит образ Пандемониума, что свидетельствует о знакомстве его с поэмой Д. Мильтона «Потерянный рай» (1667).

Пандемониум — слово, изобретённое самим Мильтоном, обозначает место обитания демонов; обычно проводится аналогия с греческим *Pántheon* (‘храм, место, посвящённое всем богам’). Конечно, не там должен быть герой. Финальная строфа начинается союзом *a*, противопоставляющим не должное и необходимое. Речь идёт о высоком предназначении человека («заполнении высшего ангельского чина»):

Вот в этом суть и вся причина

Твое краткое бытие и день суда назначен [Быкова и др., 2019, с. 92].

5. Заключение

Лубочная картинка распространяется в народной среде, с тем чтобы оказывать влияние на мирознание человека, она особенно актуальна в конфессиональном обществе. Формирование жизненного сценария для человека в закрытом сообществе старообрядческой общины часовенных — одна из задач, которая реализуется посредством народной картинки «Две дороги — Два пути». Как показали исследования, проведенные в рамках экспедиций к староверам-часовенным в Сибири, традиции продолжали существовать в течение всего XX столетия и сохранились до сегодняшнего дня. Основное содержание лубочных картинок направлено на формирование религиозного мировоззрения человека. В картинке «Две дороги — Два пути» словесная и изобразительная составляющие образуют единое повествование: зритель / читатель начинает знакомство с лубком с обозрения общей композиции. Содержание настенного листа является для староверческой общины часовенных доктринальным: с четким делением мира на «свой» и «чужой», на «широкий» и «узкий» пути, которые запрограммированы в изобразительном и вербальном тексте лубка. При этом визуальный образ предшествует тексту. Последовательно представ-

ляя сюжеты, художник усиливает их эмоциональное воздействие словом. Автор стихов «Подумай бедный человек» и «Побуждение к борьбе со грехом!» использует традиции дидактического письма, поучения, чтобы призвать читателя к праведному выбору. Автор берёт на себя функцию истолкователя Божьей воли, вводя глаголы повелительного наклонения *подумай, смотри, блюди, не смотри, не верь, иди*, а призыв, требование праведного поведения усиливаются наглядными аргументами. Жизнь человека — героя стихотворения «Подумай бедный человек» — представлена достаточно мрачной, ее греховность, предопределенная современностью, подчёркивается глаголами настоящего времени, например, в следующих строках: *Сознательно сатане ты служишь; Плоти служим. Бога обидим. // Ценную жизнь делаем в смех; Безбожно валяются в беззаконии всяком. Но действительность — это также благолепие (Всё вокруг так добро и прекрасно), и один из грехов состоит в том, что человек часто не видит благолепия, проходит мимо.*

В то же время бытие не ограничивается настоящим, и человеку предлагается определить, что он получит, топя себя в пороках. «Ощущаемая перманентная опасность душевной гибели стала у староверов повседневной и в значительной степени обуславливала вероисповедный активизм и известный методизм», — писал В. В. Керов [Керов, 2016, с. 257]. Визуальный и вербальный текст открыто декларирует идеи староверия, религиозная сторона жизни наглядно представлена преимущественным указанием на жизнь в скиту. В стихе «Побуждение к борьбе со грехом!» главная тема, тема выбора пути, завершается вопросом, ответ на который должен быть известен читателю:

*Куда идти? — К незримым ль стримыться
Иль предпочесть доступное очам?* [Быкова и др., 2019, с. 18]

Стих завершается молением к Господу, просьбой о поддержке в борьбе ради спасения:

*О господи! Не дай нам усомниться
Не дай довериться врагу речам!* [Там же]

Близкий пример мы находим в «Берестяной книге» (1991), сборнике сочинений староверов часовенного согласия. В стихотворении «Духовный кросворд» (в оригинале так) автор также напоминает о часе Страшного суда и призывает искать опору в божественном:

*Ангелом оружье, небесный жителю,
Не дайся в корысть дьяволу мучителю* [Духовная литература ..., 1999, с. 320].

Стих «Подумай бедный человек» не определяет конкретных временных реалий; предполагается, что данное обращение актуально в любую

эпоху, где личность одержима страстями. Вместе с тем в нём находятся маркеры, указывающие на целевую аудиторию: это читатель XX—XXI веков, живущий, видимо, в медиапространстве, засоряющем его сознание: *чёрточеловек-медеум* (в оригинале так). Автор пишет о современном состоянии, но его общий посыл открывает перспективы достойной, радостной жизни в будущем, финальные строки напоминают о высоком предназначении личности, и за этим прочитывается надежда автора на благоразумное становление человека на праведный, «узкий» путь.

Ю. М. Лотман отмечал, что изображение в народной картинке не просто объясняется текстом, а «оживляется» им [Лотман, 2005, с. 484]. Рассказ в изображении и рассказ в слове параллельны и прочитываются синхронно. Художник как будто ставит себя над действием, оказываясь в роли всевидящего наблюдателя. Слитный текст-сценарий, сопровождающий компактные композиции из фигур, организует «лубочный театр», в котором текст начинает игру с изображением, а лубок — со зрителем. Вербальный и визуальный тексты выявляют признаки, которые идентифицируют данное конфессиональное сообщество: маргинальность, замкнутость, традиционализм и эсхатологичность. Антропологические мотивы в контексте обостренного самосознания доминируют в содержании: человеку предлагается выбрать путь как осознанный жизненный сценарий. Современный старообрядческий лубок «Две дороги — Два пути» — один из ярких образцов декларативного антропологического сценария в конфессиональной среде с определенной иерархией человеческих ценностей.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Русский язык — Медиа ; Дрофа, 2003. — ISBN 5-9576-0054-7.
3. *Народная картинка «Две дороги — Два пути»*. 2010. Бумага. Смешанная техника. Дубчес (хранится в БАН, Санкт-Петербург).
4. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Выпуск 1 (А — Б) / Гл. ред. С. Г. Бархударов. — Москва : Наука, 1975. — 371 с.
5. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Выпуск 18 (Потка — Преначальный) / Гл. ред. Г. А. Богатова. — Москва : Наука, 1992. — 288 с.
6. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А — К / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1893. — 771 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баев В. Г.* Старообрядческая литература в контексте русской книжности / В. Г. Баев // *Личность. Культура. Общество*. — 2010. — Т. 12. — № 1 (53—54). — С. 278—285.

2. *Бойко Е. С.* Этимологический анализ слов в социуме староверов на Енисее / Е. С. Бойко, Е. П. Краскова // Старообрядцы Приенисейской Сибири : история и современность. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет, 2012. — С. 194—200.
3. *Быкова Е. В.* Мир визуальных образов старообрядцев Тувы : от иконы и лубочной картинки до фотографии [Электронный ресурс] / Е. В. Быкова, А. А. Пригарин // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 1. — Режим доступа : <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/803> (дата обращения 21.08.2021).
4. *Быкова Е. В.* Старообрядческий лубок «Две дороги — два пути» : комментированное прочтение визуального образа / Е. В. Быкова, А. В. Костров. — Киров : Кировская областная типография, 2019. — 192 с. — ISBN 978-5-498-00612-3.
5. *Духовная литература староверов Востока России XVIII—XX вв.* — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. — 800 с. — ISBN 5-87550-096-4.
6. *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в. : темы, проблемы, поэтика / О. Д. Журавель. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2012. — 442 с. — ISBN 978-5-7692-1257-4.
7. *Журавель О. Д.* Старообрядческая литературная утопия : русский вариант CivitasDei? / О. Д. Журавель // Universum Humanitarium. — 2016. — № 1. — С. 78—93.
8. *Керов В. В.* «Се человек и дело его ...» : Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России / В. В. Керов. — Москва : Экон-Информ, 2016. — 590 с. — ISBN 978-5-9909188-4-9.
9. *Корогодина М. В.* Два старообрядческих исповедных сборника : новшества в традиционном тексте / М. В. Корогодина // Вестник церковной истории. — 2007. — № 4 (8). — С. 130—188.
10. *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. — 566 с. — ISBN 5-89329-014-3.
11. *Лотман Ю. М.* Художественная природа русских народных картинок / Ю. М. Лотман // Об искусстве. — Санкт-Петербург : «Искусство-СПб», 2005. — С. 482—494. — ISBN 5-210-01523-8.
12. *Мочалов Е. В.* Протопоп Аввакум и формирование этики средневековой Руси / Е. В. Мочалов // Социально-политические науки. — 2016. — № 3. — С. 148—153.
13. *Никитина С. Е.* Пути-дороги в жизни и духовных стихах старообрядцев Русского Севера / С. Е. Никитина // Кунсткамера. — 2019. — № 1 (3). — С. 68—82. — DOI: 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-68-82.
14. *Никонова Т. Н.* Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая / Т. Н. Никонова, Л. И. Толстых, Н. А. Куликова // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 5 (42). — С. 317—321.
15. *Панченко А. А.* Компьютер по имени Зверь : эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах / А. А. Панченко // Антропологический форум. — 2015. — № 27. — С. 122—141.
16. *Плетнева А. А.* Лубочная библия : язык и текст / А. А. Плетнева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 392 с. — ISBN 978-5-9551-0650-2.
17. *Соколов Б. М.* Лубок как художественная система / Б. М. Соколов // Мир народной картинки. — Москва : «Прогресс-Традиция», 1999. — С. 9—35. — ISBN 5-89826-036-6.
18. *Урушев Д. А.* Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе / Д. А. Урушев // Ценности и смыслы. — 2010. — № 4 (7). — С. 116—123.

19. Хорохордина О. В. К сопоставительному анализу русских дидактических речевых жанров : назидание, поучение, наставление, наказ, завет / О. В. Хорохордина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 533—539.

20. Lewis J. R. *Satanism Today : An Encyclopedia of Religion, Folklore, and Popular Culture* / J. R. Lewis. — Santa Barbara : ABC-CLIO, 2001. — 371 p. — ISBN1576072924.

MATERIAL RESOURCES

A large explanatory dictionary of the Russian language. (1998). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Dal, V. I. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes.* Moscow: Russian language — Media; Bustard. ISBN 5-9576-0054-7. (In Russ.).

Dictionary of the Russian language of the XI—XVII centuries, 1 (A — B). (1975). Moscow: Nauka. 371 p. (In Russ.).

Dictionary of the Russian language of the XI—XVII centuries, 18 (Potka — Prenatal). (1992). Moscow: Nauka. 288 p. (In Russ.).

Folk picture “Two roads — Two ways”. 2010. Paper. Mixed media. Dubches (stored in the BAN, St. Petersburg). (In Russ.).

Sreznevsky, I. I. (1893). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments, 1 (A — K).* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 771 p. (In Russ.).

REFERENCES

Baev, V. G. (2010). Old Believer literature in the context of Russian bookishness. *Personality. Culture. Society, 12 1 (53—54):* 278—285. (In Russ.).

Boyko, E. S., Kraskova, E. P. (2012). Etymological analysis of words in the society of Old Believers on the Yenisei. In: *The Old Believers of Yenisei Siberia: History and Modernity.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. 194—200. (In Russ.).

Bykova, E. V., Kostrov, A. V. (2019). *Old Believer lubok “Two roads — two ways”: a commented reading of the visual image.* Kirov: Kirov Regional Printing House LLC. 192 p. ISBN 978-5-498-00612-3. (In Russ.).

Bykova, E. V., Prigarin, A. A. (2019). The world of visual images of the Old Believers of Tuva: from icons and splint pictures to photographs. In: *New studies of Tuva, 1.* Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/803> (accessed 08.21.2021). (In Russ.).

Kerov, V. V. (2016). *“This man and his work ...”: Confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia.* Moscow: Ekon-Inform. 590 p. ISBN 978-5-9909188-4-9. (In Russ.).

Khorokhordina, O. V. (2016). To the comparative analysis of Russian didactic speech genres: edification, teaching, instruction, instruction, testament. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 5:* 533—539. (In Russ.).

Korogodina, M. V. (2007). Two Old Believer confessional collections: innovations in the traditional text. *Bulletin of Church History, 4 (8):* 130—188. (In Russ.).

Lewis, J. R. (2001). *Satanism Today: An Encyclopedia of Religion, Folklore, and Popular Culture.* Santa Barbara: ABC-CLIO. 371 p. ISBN1576072924.

- Likhachev, D. S. (2001). *Historical poetics of Russian literature. Laughter as a worldview and other works*. Saint Petersburg: Aleteya. 566 p. ISBN 5-89329-014-3. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2005). The artistic nature of Russian folk pictures. In: *About art*. Saint Petersburg: “Art-SPb”. 482—494. ISBN 5-210-01523-8. (In Russ.).
- Mochalov, E. V. (2016). Protopop Avvakum and the formation of ethics of medieval Russia. *Socio-political sciences*, 3: 148—153. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (2019). Paths-roads in the life and spiritual poems of the Old Believers of the Russian North. *Kunstkamera*, 1 (3): 68—82. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-68-82. (In Russ.).
- Nikonova, T. N., Tolstykh, L. I., Kulikova, N. A. (2013). Communicative culture of the Old Believers of the Altai Mountains. *The world of science, culture, education*, 5 (42): 317—321. (In Russ.).
- Panchenko, A. A. (2015). A computer named the Beast: eschatology and conspiracy theory in modern religious cultures. *Anthropological Forum*, 27: 122—141. (In Russ.).
- Pletneva, A. A. (2013). *Lubochnaya bible: language and text*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 392 p. ISBN 978-5-9551-0650-2. (In Russ.).
- Sokolov, B. M. (1999). Lubok as an artistic system. In: *The world of folk pictures*. Moscow: “Progress-Tradition”. 9—35. ISBN 5-89826-036-6. (In Russ.).
- Spiritual literature of the Old Believers of the East of Russia of the XVIII—XX centuries*. (1999). Novosibirsk: Siberian Chronograph. 800 p. ISBN 5-87550-096-4. (In Russ.).
- Urushev, D. A. (2010). The artistic embodiment of the image in early Old Believer literature. *Values and Meanings*, 4 (7): 116—123. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (2012). *Literary creativity of the Old Believers of the XVIII — early XXI century: themes, problems, poetics*. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS. 442 p. ISBN 978-5-7692-1257-4. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (2016). Old Believers Literary Utopia: the Russian version of CivitasDei? *Universum Humanitarium*, 1: 78—93. (In Russ.).